

ские языки» (1965), первый на русском языке краткий очерк ДЯ. На современном уровне систематизированное описание ДЯ, выполненное им, содержится также в книге «Языки Азии и Африки. Индоевропейские языки. Дравидийские языки», представляющей второй том известного справочника «Языки Азии и Африки» (1978), где в лапидарной форме приводится типологическая характеристика этих языков по всем грамматическим аспектам в их историческом развитии и современном состоянии. При этом следует подчеркнуть, что, несмотря на специальный, справочный характер последнего издания, это описание ДЯ отнюдь не компилятивно, а в значительной степени по-новому осмысляет собранный богатый материал. Оно подготовлено на основе опубликованных им прежде очерков различных ДЯ в серии «Языки народов Азии и Африки».

В рецензируемой книге органически сочетаются достижения предшествующих авторов (всегда отмеченные во вступительных примечаниях) с разработками автора настоящей монографии. Среди последних важно отметить очерк истории развития отрицательных форм глагола, очерки истории дравидийской надежной системы, этимологические разыскания в области числительных и местоимений, реконструкцию исторического развития многих глагольных форм ДЯ. (В этой связи интересно указать на типологическое сходство реконструируемой в этой работе протодравидийской системы именного словоизменения с аналогичными системами хинди и некоторых дру-

гих современных индоарийских языков, что может послужить еще одним аргументом в пользу теории о влиянии ДЯ на направление развития индоарийских языков современного Индийского Союза.) «Сравнительная грамматика» М. С. Андронова, несомненно, будет способствовать дальнейшему углублению и расширению разносторонних исследований в области дравидийского языкознания и индологии в целом как в нашей стране, так и за рубежом.

Макаренко В. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андронов М. С. К этимологии слова *tamiz* «тамильский язык». — В кн.: Индийское языкознание. М., 1978.
2. Caldwell R. A. *Comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages*. London, 1856; 2-nd ed., London, 1875; 3-rd ed., London, 1913.
3. Burrow T. and Emeneau M. B. *A Dravidian etymological dictionary*. Oxford, 1961; Suppl., Oxford, 1968.
4. Emeneau M. B. *A sketch of Dravidian comparative phonology*. Annamalainagar, 1965; 2-nd ed., 1970.
5. Shanmugam S. V. *Dravidian nouns (a comparative study)*. Annamalainagar, 1971.
6. Subrahmanyam P. S. *Dravidian verb morphology*. Annamalainagar, 1971.
7. Krishnamurti Bh. *Telugu verbal bases. A descriptive and comparative study*. Berkeley and Los Angeles, 1961.

Ergativity. Towards a theory of grammatical relations. Ed. by Plank F. — London — New York — Toronto — Sydney — San Francisco: Academic Press, 1979. 569 p.

Рецензируемый сборник является красноречивым свидетельством возросшего интереса к проблемам эргативности как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Важность исследования этих вопросов не подлежит сомнению. До сих пор существуют противоречия между двумя основными направлениями в разработке проблемы: функциональным подходом (особенно характерным для советских исследователей) с внимательным анализом содержательного аспекта эргативности, с одной стороны, и подходом, допускающим существенные уступки лингвистическому формализму. Исследования по данной проблематике в настоящее время поднялись на качественно новый уровень, чему способствовало, на наш взгляд, несколько обстоятельств. Прежде всего, значительно расширился круг языков, вовлекаемых в орбиту типологических штудий и, соответственно, увеличилась возможность для выявления существующих в рамках эргативной

структуры закономерностей. Кстати, именно описание механизма эргативности в конкретных языках составляет основной предмет большинства статей сборника¹. Таковы, например, статьи А. Е. Кибрика «Каноническая эргативность и дагестанские языки», в которой дается краткий очерк средств выражения субъектно-объектных отношений в арчинском языке, близком, как указывается в статье, к каталону эргативности; Г. Штайнера «Непереходно-пассивная концепция глагола в языках древнего Ближнего Востока», где предлагается типологическая классификация хаттского, хурритского, урартского, шумерского и элам-

¹ Сборник включает следующие разделы: 1. Введение, 2. Функция и форма субъектно-объектных отношений, 3. Эргативность и залог, 4. Степени эргативности, 5. Типологические корреляты эргативности, 6. Эргативность в изменении языка.

ского языков; Б. Дж. Блейка «Степени эргативности в Австралии»; Т. В. Ларсена и В. М. Нормана «Корреляты эргативности в грамматике майя»; Г. Бреттшнайндера «Типологическая характеристика баскского языка» и др.

Рассматриваемый в этих работах языковой материал значительно расширяет наши представления о том, «что бывает» в эргативных языках. Довольно уникальны, в частности, ограничения, накладываемые на эргативную конструкцию в языках майя: в эргативе не может стоять вопросительное, относительное или логически выделенное слово. Подчас некоторые черты эргативных языков составляют специальную проблему лингвистического анализа: нельзя, например, в связи с этим не обратить внимания на аргументы против мнения о производности ангинассива от эргативной конструкции, выдвигаемые в статье А. Кальмара «Ангинассив и грамматические отношения в эскимосском языке».

В целом той же схематике придерживаются и авторы статей, составивших четвертый раздел книги. Выделение в качестве специальной темы для обсуждения вопроса о «степени эргативности», или «парциальной эргативности» (*split ergativity*), на наш взгляд, не случайно. К нему приводит последовательное применение рабочего определения, согласно которому любое отождествление субъекта *(S)* и агенса *(A)* в противоположность объекту *(O)* признается номинативной чертой и аналогичное отождествление *S* и *O* в противоположность *A* — эргативной. По-видимому, еще большую роль в типологических исследованиях должно сыграть определение эталона эргативности, обладающего важной дополнительной чертой: в него может быть включено отождествление *A* и *O'* (косвенный объект) и др.

О том, что подобное определение может служить эффективным инструментом лингвистического анализа, говорят хотя бы некоторые наиболее интересные закономерности в сфере выражения грамматических отношений, установленные на основе его использования. Согласно одной из них, синтаксические свойства эргативных языков во многих случаях укладываются в рамки номинативности (этот тезис еще раз подтверждается на материале

каж», а также в целом ряде статей из других разделов сборника). Немаловажное значение имеет также выявление иерархических отношений в именной и глагольной парадигмах с точки зрения нарастания или убывания черт эргативности. В сборнике исследование такого рода представляет статья В. П. Недякова «Степени эргативности в чукотском», в которой устанавливается нарастание эргативности по следующим направлениям: имперфект → аорист → перфект, индикатив → императив, 1-е лицо → 2-е лицо → 3-е лицо, ед. число → мн. число, субъектное согласование → объектное согласование. В этом перечне несколько необычно выглядит меньшая эргативность индикатива по сравнению с императивом. Последняя категория по своему содержанию представляет обращение ко 2-му лицу — производителю действия (т. е. *S* или *A*), что уже является предпосылкой к большей номинативности. Формальное подтверждение этому мы находим, например, в некоторых дагестанских языках, где императив имеет субъектное согласование в числе, отсутствующее в других наклонениях.

Вместе с тем «парциальным» подходом к эргативности не следует, на наш взгляд, подменять системную характеристику данного явления. Помимо того, что только при системном подходе можно уловить существенные характеристики эргативности, «парциальность», как представляется, может привести к неточным формулировкам частного характера. Например, при «поэлементном» рассмотрении системы личного согласования в тангутском языке в статье К. Б. Кеннинг «Элементы эргативности и номинативности в тангутском» эта система получает квалификацию смешанной эргативно-номинативной. Подобным же образом интерпретирует Дж. Дж. Бауман в статье «Историческая перспектива эргативности в тибето-бирманских языках» реконструируемую им аналогичную пратибето-бирманскую систему личного согласования. Вместе с тем, как только мы представим личное согласование в тангутском языке в виде целостной системы, окажется, что оно строится по законам эргативности — с противопоставлением двух рядов личных показателей — эргативного и абсолютного, ср.:

	1 ед.	2 ед.	1 мн.	2 мн.	3 ед. мн.
эргативный ряд	$nga^2/\emptyset$	$na^2/\emptyset$	$ni^2/\emptyset$	$ni^2/\emptyset$	$\emptyset$
абсолютный ряд	nga^2	na^2	ni^2	ni^2	

ле чукотского языка в статье Б. Комри «Степени эргативности: некоторые данные чукотского языка», на материале энга в статье К. Н. Ли и Р. Лэнга «Синтаксическая иррелевантность эргативного падежа в энга и других папуасских язы-

Ненулевой алломорф эргативного ряда выбирается при нулевой аффиксе абсолютного ряда, нулевой в остальных случаях. При этом частичное совпадение обоих рядов означает не переход к номинативности согласования, а лишь нейт-

реализацию эргативности. Заметим, что аналогичную схему личного согласования имеет, например, один из относящихся к числу эргативных дагестанских языков — даргинский [1].

В связи с этим следует упомянуть вывод, к которому приходит Н. Б. Вахтин в статье «Именная и глагольная эргативность в языке азиатских эскимосов»: именная и глагольная эргативность находятся в дополнительной дистрибуции, т. е. отсутствие эргативных характеристик в одной сфере морфологии компенсируется их наличием в другой. Прямым следствием этого является другой важный вывод: морфология эскимосского языка последовательно эргативна несмотря на наличие «парциальной номинативности».

Исходя из этих же соображений, следует более осторожно подходить к синтаксическим построениям номинативных языков, некоторыми своими чертами напоминающим эргативные: к противопоставлению экзистенциальных (с субъектом в партитиве) и неэкзистенциальных (с объектом в партитиве/аккузативе) предложений, описанному в статье Т. Итконена «Маркировка субъекта и объекта в финском: обратная эргативная система и идеальная эргативная подсистема»; к конструкции со служебной морфемой *bá*, предположительно рассматриваемой в качестве эргативной И. К. Ли и М. Иип в статье «*Bá*-конструкция и эргативность в китайском»; к так называемой «беззалоговой» конструкции, получающей аналогичную интерпретацию в статье А. Картье «Беззалоговые предложения с переходным глаголом в официальном индонезийском языке», а также к предложению с неодушевленным агентом в одном из диалектов английского языка, описанные Дж. Фостером в статье «Агент, принадлежности и обладатели».

Хотя сопоставление с эргативной конструкцией подобных структур представляется довольно полезным, их отождествление скорее всего даст те же результаты, что и приравнивание эргативной конструкции к пассивной в номинативных языках. Во всяком случае можно утверждать, что эргативные черты (с точки зрения приведенного выше определения) номинативных языков не могут быть действительно полноценными эргативными чертами и поиски этих черт не дадут желаемых результатов. Например, отсутствие пассива в языке вапо, судя по материалам статьи В. Якобсена мл. «Почему в вапо отсутствует пассив?», отнюдь не означает нарушения в этом языке норм номинативности, хотя данное явление характерно больше для эргативных языков. Более того, предложенное обоснование такого положения оказывается по существу неверным: соотношения *émluyi* «он ест» — *k'i'wi* «он ест это» и *pélew* *ʔémluyi* «заяц ест» — *pélew* *ʔi'wi* «он ест зайца» свидетельствуют о наличии эргативности не в большей степени, чем о номинативности. Во всех

случаях² — является показателем субъекта, в то время как *k'* — сигнализирует об отсутствии выраженного объекта (при этом $? + k' \rightarrow k'$).

Наконец, естественным выводом из концепции парциальной эргативности, на наш взгляд, является признание того факта, что эргативность и номинативность — явления поверхностно-морфологического уровня, равновозможные варианты, призванные различить субъект и объект переходного предложения. В явном виде такое понимание эргативности излагается в статье А. Маргине «Переход к эргативу или аккумулятиву».

В свете сказанного нельзя не признать перспективность исследований, в рамках которых эргативность понимается как целостная система: таковы, например, статьи «Эргативность, синтаксическая типология и универсальная грамматика: некоторые прошлые и современные точки зрения» Ф. Планка, стремящегося определить семантические и прагматические категории, обуславливающие эргативный тип языковой структуры; «Эргативность и строение грамматических отношений» И. Бехерта, отказывающегося от понятия «субъект» и «объект» при характеристике эргативности, и Г. А. Климова «О позиции эргативного строя в типологической классификации», в которой активный и номинативный строй предлагается рассматривать как факультативно опосредованные эргативным строем.

Промежуточное положение эргативного строя в иерархии языковых типов позволяет объяснить многие вопросы исторического развития эргативности. Как известно, документированной письменными памятниками является лишь история возникновения эргативной конструкции в индийских и иранских языках, некоторые аспекты которой обсуждаются в статье Л. А. Пирейко «О генезисе эргативной конструкции в индоиранских языках». И хотя этот тип эргативной конструкции сформировался в результате включения в глагольную парадигму пассивных причастий, абсолютизировать этот процесс, как это предлагает, например, Р. Л. Трэк в статье «Об истоках эргативности», представляется неоправданным. Во всяком случае все более многочисленными становятся свидетельства иной направленности исторического изменения: от эргативности к номинативности.

Именно на такое развитие указывают Дж. Дж. Бауман, отмечающий, что одним из проявлений тенденции к утрате эргативности в тибето-бирманских языках является постепенная дифференциация аффиксов субъектного и объектного согласования, а также К. Чехова в статье «От эргатива к аккумулятиву в тонга: пример синхронной динамики», где в качестве свидетельства номинативизации эргативной структуры рассматривается приобретение показателем перфекта при одной группе глаголов значения пассивного залога.

Еще одно различие между парциальным и системным подходами к эргативности заключается в трактовке активного строя. Если в первом случае мы имеем дело с определенной «расщепленностью» уже в сфере выражения субъекта непереходного предложения, то во втором перед нами самостоятельный тип языковой структуры, резко отличающейся набором разноуровневых импликаций от эргативного или номинативного типов. Последнее обстоятельство достаточно хорошо иллюстрируется в статье К.-Х. Шмидта «Реконструкция активной и эргативной стадий в праиндоевропейском»: такие черты общиндоевропейского языка, как оппозиция одушевленных и неодушевленных имен, глаголов действия и состояния, отчетливо показывают активное, а не эргативное состояние реконструируемого языка-основы. В связи с этим заслуживает внимания также детальное исследование истории картвельских языков в статье В. Бёдера «Эргативный синтаксис и морфология в языковом изме-

нении: южнокавказские языки», в которой особо рассматриваются «аномалии эргативности», интерпретируемые в литературе как вероятные реликты активного строя.

Совмещение в сборнике различных направлений исследования эргативности, несомненно, внесет свой вклад в решение ее многочисленных проблем, а также грамматических отношений в целом. В заключение нельзя не отметить огромную работу редактора сборника Ф. Плана, сумевшего систематизировать разнообразные по тематике статьи, а также четко сформулировать дальнейшие перспективы изучения проблематики.

Алексеев М. Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М., 1980, с. 238—239.